

УДК 821.161.1

«Я ЧИТАЛ БОРАТЫНСКОГО...»: ВИКТОР КРИВУЛИН

© 2013 г.

М.М. Гельфонд

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

gmma@mail.ru

Поступила в редакцию 10.08.2012

Своеобразие восприятия и интерпретации лирики Боратынского в среде неофициальной ленинградской культуры рассматривается на примере поэзии ее лидера – Виктора Кривулина.

Ключевые слова: традиция Боратынского, Кривулин, неофициальная культура, рецепция.

По словам Виктора Кривулина, «Боратынский – это ключевая фигура для ленинградской поэзии. На поэтов 60-х, 70-х годов он имел влияние гораздо более сильное, нежели, скажем, Пушкин, Хлебников или Мандельштам» [1, с. 349]. Это тем более удивительно потому, что ленинградская поэзия 1960–1990 годов – явление чрезвычайно неоднородное, соединяющее в себе подцензурную поэзию и «дух культуры подпольной» [2, с. 108], подчеркнутое следование классическим традициям в околоахматовском кругу и неофутуризм «филологической школы». Тем не менее, именно Боратынский стал своего рода «общим знаменателем» – неслучайно его упоминание как примет времени и среды в стихотворении Е. Рейна «Дельта» (1976): «Вот полочка: стишки и детективы, / Два номера «Руна» и «Аполлона», / «Плейбой» и «Новый мир», и Баратынский, / Тетради с выписками, все полупустые...» [3, с. 260].

Различие творческих установок ленинградских поэтов 1960–1990 определило многообразие форм рецепции Боратынского: эпиграфы, включение цитат в контекст собственных размышлений, «реконструкция» стихотворений в их приложении к реалиям XX века, сотворение и развенчание биографических мифов. Эпиграф из Боратынского: «Но я живу и на земле мое / Кому-нибудь любезно бытие» предваряет напечатанную в «Антологии “40”» (1977) подборку поэта-минималиста Л. Виноградова [4, с. 23]. Ряд стихотворений В. Кривулина, Л. Лосева и А. Кушнера представляют собой вариации на темы, заданные лирикой Боратынского. С Боратынским соотносил себя Бродский, ставший, видимо, его «первооткрывателем» в этом литературном кругу. Так, А. Найман вспоминает о воздействии Боратынского и «соперничестве» с ним именно в связи с Бродским: «...в нашей молодости

для нас, во всяком случае, для него и для меня, особняком стояли стихи Боратынского «Осень». Это вершина русской поэзии... звук которой определяет вообще весь шум мироздания. Имея перед собой эту «Осень» я пытался что-то такое делать в своих стихах» [5, с. 35].

Сложившийся на этом фоне интерес В. Кривулина к Боратынскому изначально был самостоятелен и самобытен. По наблюдению О. Седаковой, В. Кривулин всегда осознавал свое родство с Боратынским и Тютчевым, природа которого состоит в интеллектуальном усилии, необходимом для восприятия стихов, лишенных «простого лиризма», захватывающего нас прежде, «чем мы начнем что-то понимать» [6]. Важным оказался для В. Кривулина и студенческий опыт работы в музее-усадьбе Боратынского, отразившийся в стихотворении 1968 года «Мураново» [7]:

*В усадьбе, что построил Баратынский,
друг Пушкина, поэт и многодум,
есть отголосок мрачности балтийской
в расположеньи комнат: Кабинет
выходит окнами на север, в парк угрюмый;
в узорчатой листве блуждает свет
и пенится... Но здесь полутемно
и холодно всегда, и одиноко....
Здесь мебель проектировал хозяин –
ее прямые линии строги,
как рифмы точные, что накрепко связали
полет классической строки.
Но в этой аккуратной несвободе,
в боязни света и неточных рифм –
признанье жизни, пристальной внутри,
и скрытое презрение к природе,
к тому, что вне, что, смерть не осознав,
шевелится, пищит и матерится,
как речка Сумерь весело струится,
но сборник «Сумерки» спокойно-величав.*

Уникальность мурановской усадьбы – в сохранении духа дома, где все «живо напоминает покойного Евгения, все носит свежие следы его работ, его дум, его предположений на будущее» [8, с. 36]. Но облик мурановского дома в полной мере запечатлел и драму позднего Боратынского: строгая мрачность обстановки, кабинет, ориентированный на север, картины с видами Италии, купленные хозяином незадолго до смерти. Подлинность быта усиливает здесь подлинность слова, благодаря чему Мураново в разное время притягивало к себе поэтов – от Ю. Верховского до А. Галича. Особенно важным стал мурановский период жизни Боратынского для поэтов 1960–1970: аллюзии рождались глубинным сходством двух глухих периодов русской истории.

Приведенное стихотворение В. Кривулина не только точно воссоздает историю постройки и интерьер мурановского дома, но и становится путем к постижению поэта, замкнутого «в собственном бытии» [9, с. 69]. Внутренний опыт Боратынского отливается в стихах Кривулина в емкую формулу «аккуратная несвобода», предполагающую напряженную аналитическую работу и природную нелюбовь к движению бытия. Стихи о Боратынском неизменно связаны у Кривулина с размышлениями о соотношении свободы и несвободы. Искавший «свободу в тесноте стихового ряда» [10, с. 129] поэт апеллировал к предшественнику, стараясь уравновесить свободу вдохновения сознательной аскезой жесткой формы. Поэзия Боратынского оказалась близка В. Кривулину настолько, что важнейшим событием его жизни стало своего рода озарение, пережитое при чтении: «...на моем внутреннем календаре отмечена ярко-красным одна дата – 5 часов утра 24 июля 1970 года... Я читал Боратынского и дочитался до того, что перестал слышать, где его голос, а где мой. Я потерял свой голос и ощутил невероятную свободу, причем вовсе не трагическую, вымученную свободу экзистенциалистов, а легкую, воздушную свободу, словно спала какая-то тяжесть с души. Вдруг не стало времени. Умерло время, в котором я, казалось, был обречен жить до смерти, утешаясь стоической истиной, что "времена не выбирают, в них живут и умирают". Вот оно только что лежало передо мной на письменном столе, нормальное, точное, сносно устроенное, а осталась кучка пепла. И тотчас за окном, в конце Большого проспекта, вылезло из-за дома Белогруда огромное солнце. Очень большое, неправдоподобно» [11, с. 7].

На первый взгляд, речь идет о состоянии, которое противостоит «аккуратной несвободе» Боратынского. Но – на первый взгляд: эта «невероятная свобода» духа, с одной стороны, подготовлена несвободой стиховых форм, с другой – опытом частного существования поэта. Последний для Боратынского был глубоко драматичным: он дался ему ценой окончательного разрыва с читателем-современником. Позднее стихотворение «На посев леса» аккумулировало опыт «самостоянья» поэта – вот почему оно оказалось важным для Кривулина, обратившегося к нему в «Городской прогулке» (1972, «Воскресные облака»). Способы подключения к претексту здесь многообразны: эпиграф, реминисценции, сходный тип развертывания сюжета и непосредственное обращение к предшественнику как созданию поля диалога с ним:

Да хряц иной...

Е. Боратынский

Песок, скрипящий на зубах.

Частицы черной пыли.

Свеженаваленный асфальт горяч,

как чернозем.

Дымящееся поле. Первый гром.

Сей жирный пласт земли –

возможность изобилья.

*Да будет хряц иной! По улицам вдвоем,
где шел ремонт, мы целый день бродили.*

Да будет хряц иной. И я спросил:

Где тот посев, где сеятель холицевый?

И у тобой затеянной дубровы

взойти хватило ль сил?

*Повсюду шел ремонт. Жестокого покрова
лишенная земля – и таинства могил
кой-где уродливо и ржаво проступала,
как пятна крови сквозь бинты...*

*И он ответил, что могильные плиты
совсем не тяжело откинуть покрывало,
совсем не тяжело восстать из немоты:
кто был зерном – тому и слова мало.*

Кто был зерном, кто семенем – тому

да хряц иной и вправду плодоносен,

*и жизнь его продлят стволы прямые сосен,
и, брошенное некогда во тьму*

*взойдет из тьмы, и с легкостью отбросим
постель из слякоти – последнюю тюрьму.*

*Да, Боратынский, ты живешь. Твоя стезя,
иная слову, иглами шевелит.*

Но мне-то лечь в асфальт,

что над землею стелят!

*Не в землю, но туда, где умереть нельзя,
чтобы воскреснуть. Шел ремонт.*

*Расплавленной смолою
тянуло отовсюду... [12]*

Беспощадное в своей трезвости стихотворение Боратынского – создается на стыке трех жанровых традиций: инвективы, восходящей к псалму, элегии и притчи. Для Кривулина наиболее важен контекст последней: «Городская прогулка» проявляет потаенную в лирическом сюжете Боратынского притчу о сеятеле, соединяя конкретность и аллегоричность: «песок, скрипящий на зубах», «частицы черной пыли», «свеженаваленный асфальт» и есть та почва, которая ни в прямом, ни в переносном смысле не готова принять зерно. Развивая сюжет стихотворения, в котором Боратынский отказался от словесного контакта с читателем: «Ответа нет! Отвергнул струны я / Да хрящ иной мне будет плодоносен!» в пользу невербального эквивалента стихов – «зародышей елей, дубов и сосен», Кривулин «примеряет» поступок Боратынского на себя и убеждается в его безнадежности. Выход за пределы слова к поступку представляется Кривулину оправданным, но нереализуемым; трагедия оборачивается утопией.

Говоря о Боратынском, Кривулин цитирует афоризм Кушнера («Времена не выбирают, в них живут и умирают») из стихотворения, полемического по отношению к «Последнему поэту» («Что ни век, то век железный» – ср. «Век шествует путем своим железным»). «На посев леса» – сознательно или случайно – становится тем «полем», на котором Кривулин и Кушнер утверждают свои представления о судьбе поэта и бытии слова. Доказательство этому – стихотворение Кушнера «Эти вечные счета, расчеты, долги...» (как и «Городская прогулка» – 1972), в котором «На посев леса» увидено как палимпсест: сквозь его текст проступают планы строительства лесопилки и мельницы, подсчеты долгов и расходов. Обнаженный контекст проясняет биографические истоки разрыва с веком и словом: «То ли в карты играл? То ли в долг занимал? / Было пасмурно, осень. / Век железный – зато и презренный металл. / Или рощу сажал и считал, и считал, / Сколько высадил елей и сосен? [13, с. 15]». В финале Кушнер опровергает Боратынского и, снижая высоту его трагического прозрения, утверждает свою любимую мысль о вечном торжестве жизни, растворенном в подробностях и деталях: «Все равно эта жизнь и в конце хороша, / И в долгах, и в слезах, потому что свежа!...». Так, отталкиваясь от одного произведения Боратынского, поэты приходят к диаметрально противоположным выводам: Кушнер – о торжестве прекрасных частных бытия над словом, Кривулин – о невозможности отказа от слова и достижения бессмертия. Если Кушнер опровергает Бора-

тынского, то Кривулин развивает мысль поэта, переводя ее через очерченный им самим предел.

В начале 1970-х (предположительно, 1974) было написано стихотворение Кривулина «К портрету Е.А. Б.». В портретах Боратынского не раз пытались найти ключ к его лирическому «я». Так, поэт-символист Е. Архиппов писал о тайне лица Боратынского: «...своеобразно-высокий лоб серьезного и редкого мыслителя, навеки опечаленные глаза, подъятые к горнему миру, но безнадежно-взыскующие; все лицо озарено тем неразгаданным «таинством печали», что очищает и холодит душу...» («Грааль печали») [14, с. 29]. Сонет «Перед портретом Боратынского» создал в 1915 году В. Иванов: «Как у сынов забвенной Атлантиды, / До темени пологое чело / Закинуто... Не небо ль налегло / Навесом сфер на <нрзбр> кариатиды? / Чело – скрижаль надменя и обиды!.. / И новое над ним растет светло / (Когда не лжет волшебное стекло): / Его покой лобзают Аониды. / За Летою отшедших в даль эпох, / Поблеклые, как Асфодел долины / Он различал, сновидец Мнемосины. / Как в раковине рокот, не заглох / В нем гул времен. / Так памятью Вселенной / Немотствовал и бредил гимн священный» [15, с. 32]. Вероятно, в обоих случаях речь идет о литографии А. Мюнстера с рисунка А.А. Лебедева, где поэт изображен в полупрофиль. Романтические черты внешности Боратынского соединяются в представлении Иванова с памятью об античном прошлом человечества и далее – всей Вселенной.

Очевидно, этот же портрет описывает и В. Кривулин. Но – по-иному. Лицо Боратынского предстает подобием географической карты, как бы несущей на себе отпечаток его стихов: «Недоноска», «Последнего поэта», цитируемой в тексте миниатюры «О мысль, тебе удел цветка!». Так лицо срастается с поэзией, преодолевающей, вопреки (или благодаря?) своей безнадежности, время и смерть:

*Брат Боратынский, нам дано
благотворящее унынье –
смертельной бледности пятно
над меднокованой латынью.
Но и под маской тесноты,
и в пропастях височных впадин
все обостреннее черты
лица, где очертанья пятен
на лоб высокий налегли
пятью материками крика
о тяжести и глубине земли,
о мысли облачной – морице безъязыкой.
О мысль, тебе – удел цветка,
но медного цветка на стебле
спирали часовой. Через века*

*змеится речка времени. Ослепни
для пения ее пружин!
Безъяблочных глазниц Элады
прозрение – с обличем чужим
срастаемся – и умирая раду.
Весь опыт радостей земных
воистину тяжел и ложен...
Но неунитожим тот невесомый стих,
Где даже след надежды уничтожен!* [16]

Тема смерти и воскресения звучит и в связанном с Боратынским стихотворении В. Кривулина «Белизна и дремота» (1975):

*Я работал в какой-то конторе.
Дважды в неделю корабельные сосны
лежали.*

*Если не падало черной субботы,
дважды текли параллельные сну горожане.
То бытие Баратынского, что безымянно,
дважды в неделю ко мне объявлялось –
полудремота-полупуступок,*

*нет – полустанок
(и напряженье внутри, и наружная вялость)*
[17, с. 168].

Его экспозиция апеллирует к началу «Последней смерти» – описанию особого состояния, позволяющего человеку провидеть будущее (у Кривулина – постигать «имя-смысл» вещей): «Есть бытие, но именем каким / Его назвать? Ни сон оно, ни бденье, / Меж них оно, но в человеке им / С безумием граничит разумеенье» [18, с. 148]. Сохраняет Кривулин и жанр лирической антиутопии: эсхатологической «цепи привидевшихся картин» [19, с. 164] Боратынского соответствует здесь образ града Китежа как символ исчезающей цивилизации, небытия человека и мира.

*Слепота и дремота.
И только меж ними увидишь
заходящего солнца ворота –
город, город подземный, как зыбью ворота
исчезающий Китеж.
Как забыли о страхе своем перед жизнью –
стало боязно смерти и словно теснее
то ли в городе, то ли в груди,
то ли пятна-озера на шее,
где история пальцы оттиснет.*

Итогом «боратынской» линии у Кривулина стал обратный сонет 1989 года, в котором тема «сладостной несвободы» лирики, решается в строгой и вместе с тем сознательно опровергающей канон форме:

*В плену основных мотивов
лирики – несвобода
слаще которой нет
Блаженная пневматия
толпы гласных у входа*

*в невоплощенный сонет
Но что она значит – форма
семисотлетней пробы?
Игра? воскрешенье из гроба?
воля к жизни повторной?
Так выговаривать – чтобы
даже легким стало просторно
и на горизонте башни ливорно
тонуций луч европы* [17].

Движение мысли обратно классическому сонету: от итогового синтеза – к тезису, которым становится парафраз «Пироскафа». Финал сонета подобен расширяющейся перспективе: он раскрывается во времени и пространстве, а в последних строках Кривулин воссоздает и звуковой облик последних строк «Пироскафа»: «Завтра увижу я башни Ливурны, / Завтра увижу Элизий земной!» [18, с. 299]. Графически «перевернутый» сонет напоминает готическую башню, а образ «тонушего луча европы» отсылает, как и в кушнеровском «Путешествии», не столько к «Пироскафу», сколько к судьбе его автора. Он позволяет увидеть и более далекую перспективу: «тонуций луч европы» становится предвестием «европейской ночи» – того состояния мира, которое предвидел Боратынский и зафиксировал Ходасевич.

Примечания

1. Текст стихотворений Виктора Кривулина здесь и далее выправлен О.Б. Кушлиной по материалам архива поэта. Выражаю благодарность Ольге Борисовне Кушлиной за предоставление архивных материалов и консультации.

2. К мурановскому периоду жизни поэта обращались в стихах Ю. Кублановский (долгое время работавший в Мураново), А. Вознесенский, А. Кушнер, И. Шклярский. Подробнее об этом: Кулагин А.В. «Пироскаф» Баратынского в современной поэзии // Кулагин А.В. Высоцкий и другие. Сб. ст. – М.: Благотворительный фонд Владимира Высоцкого, 2002. С. 150–162.; Кублановский Ю.М. Одиночество Баратынского // К 200-летию Боратынского. М., 2002. Кулагин А.В. Высоцкий и другие. Гельфонд М.М. Боратынский как герой лирики последней трети XX века // Художественный текст и культура V. Владимир, 2004. С. 259–265.

3. Среди факторов, определивших его поэтическое мировидение, В.Б. Кривулин называл «...открытие Баратынского, который оказался как бы несвоевременным в его время. Сейчас, в связи с экологическим сознанием и с кризисом цивилизации вообще, он вдруг приобретает совершенно новые контуры. Шероховатость, сознательная необработанность стиха при колоссальной музыкальной энергетике...» // Виктор Кривулин. Ностальгия по прежним временам. Опубликовано на сайте: <http://globalrace.narod.ru/krivulin.htm> [Электронный ресурс]. Дата обращения 05.04.2012.

4. Приведенный сонет В. Иванова, по всей вероятности, оказал влияние на стихотворение О.М. Мандельштама «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» (ср. Вяч. Иванов «Его покой лобзают Аониды. / За Летою отшедших в даль эпох...» – О. Мандельштам «Я так боюсь рыданья Аонид, / Тумана, звона и зиянья»). Вероятно, в обоих случаях образ Аонид восходит и к стихотворению Боратынского «Когда твой голос. О, поэт...»: «И тихий гроб твой посетит, / И над умолкшей Аонидой / Рыдая, пепел твой почтит / Нелицемерной панихидой...».

Список литературы

1. Кривулин В.Б. Олег Охупкин. Поэт между Афинами и Иерусалимом. Русский мир № 2. Опубликовано на сайте <http://www.russkyimir.org/download/n2/20.pdf>; [Электронный ресурс]. Дата обращения 05.04.2012.
2. Кривулин В., Стихотворения: В 2 т. Париж – Ленинград: Беседа, 1988. Т. 1.
3. Рейн Е.Б. Избранное. М.-П.-Н.-Й.: Третья волна, [1993]. 304 с. (Библиотека новой русской поэзии, вып. 3).
4. Филологическая школа: Тексты. Воспоминания. Библиография / Сост.: Виктор Куллэ, Владимир Уфлянд. М.: Летний сад, 2006. 655 с.
5. Полухина В. Иосиф Бродский глазами современников. Кн. 1 (1987–1992). Издание второе. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2006. 544 с.
6. Седакова Ольга. Памяти Виктора Кривулина // НЛО, 2001, № 52. С. 236–242. Также опубликовано на сайте <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/sedak.html> [Электронный ресурс]. Дата обращения 05.04.2012.
7. Виктор Кривулин. Стихи 60-х. АКТ, Литературный самиздат, вып. 3. Май – июнь – июль 2001 г., СПб. Текст стихотворения выправлен О.Б. Кушлиной по материалам архива В.Б. Кривулина.
8. Письмо Н.В. Путяты жене. Цит. по: Пигарев К.В. Мураново. М., 1948. 98 с.
9. Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. 462 с.
10. Зубова Л.В. Языки современной поэзии. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 431 с.
11. Кривулин В.Б. Охота на Мамонта. СПб.: БЛИЦ, 1997. 158 с.
12. Кривулин В. Воскресные облака (текст книги предоставлен Ольгой Кушлиной). Также опубликовано на сайте <http://seredina-mira.narod.ru/krivulin1.html> [Электронный ресурс]. Дата обращения 05.04.2012.
13. К 200-летию Боратынского. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 364 с.
14. Архиппов Е. Миртовый венок. М.: Жатва, 1915. 88 с.
15. Иванов В. Собрание сочинений: В 4 т. / Под редакцией Д.В. Иванова и О. Дешарт с введением и примечаниями О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. Т. 4. 796 с.
16. Не опубликовано, находится в архиве В.Б. Кривулина.
17. Кривулин В. Стихи. В 2 т. Ленинград – Париж. Т. 1., 150 с.
18. Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. СПб.: Академический проект, 2000. 528 с.
19. Альми И.Л. О поэзии и прозе. СПб.: Семантика-С, 2002, 525 с.

«I HAVE READ BORATYNSKY...»: VICTOR KRIVULIN

M.M. Gelfond

The article considers some peculiarities of the reception and interpretation of Boratynsky's lyric poetry in the environment of non-official Leningrad culture, especially in the work of its leader Victor Krivulin.

Keywords: Boratynsky's tradition, Krivulin, non-official culture, reception.